

Джон Эшбрук, *Connections QJ* 22, № 4 (2023): 47-63

<https://doi.org/10.11610/Connections.rus.22.4.03>

Рецензированная статья

Хорватский национализм как реакция на сербское сопротивление в Далматии в 1990-х годах: Жестокость порождает жестокость

Джон Эшбрук

Университет Среднего Запада, Вичита-Фоллс, США, <https://msutexas.edu/>

Аннотация: В статье анализируется реакция хорватских националистов на нестабильность в Далматии во время распада Югославии и войны за независимость в Хорватии в 1990-1996 гг. Опираясь на исследования Макса Бергхольца, утверждается, что этническое насилие в Далматии в начале 1990-х годов, спровоцированное беспорядками после распада Югославии, провозглашения независимости Хорватии и создания Республики Сербская Краина (РСК), привело к циклу жестокостей и репрессий. Обе стороны искали защиты у соотечественников, что способствовало этому циклу. Подобные случаи радикализации смешанного населения поучительны для международных организаций, старающихся предотвратить этническое насилие на Балканах.

Ключевые слова: бывшая Югославия, политика идентичности, этнический национализм, Хорватия, Краина, Балканы.

Вступление

Будучи молодым аспирантом, писавшим диссертацию в конце 1990-х гг., я изучал связь политики идентичности на национальном и региональном уровнях с различными формами конфликта в недавно провозгласившей независимость Хорватии. Больше всего меня интересовала динамика политики идентичности в её связи с политической борьбой между националистическим Хорватским демократическим союзом (ХДС), правившим в Хорватии в 1990-х – начале 2000-х годов, и региональной партией Истрии – Демократической ассамблеей Истрии (ДАИ), которая контролировала самый

западный полуостров страны.¹ Будучи наивным исследователем, я пытался понять хорватский регионализм и национализм контекстуально и ситуативно, особенно сразу после распада Югославии в начале 1990-х гг. В научных целях я провёл серию интервью с людьми, называвшими себя регионалистами и националистами, чтобы лучше понять их мотивы и самосознание. В ходе одного из таких интервью я общался с мужчиной, идентифицировавшим себя как хорватский националист, в небольшом городке к северу от Загреба. Он сказал, что если кто-то действительно хочет понять хорватских националистов, он должен узнать «радикальных националистов Далматии, которые так страдали во время войны за независимость». Через несколько дней я уже ехал автобусом в Сплит, чтобы узнать, что имел в виду мой собеседник. Хотя это исследование напрямую не касалось Истрии, оно оказалось бесценным для моего понимания хорватского национального движения – особенно того, как восприятие угроз государству и нации формировало мировосприятие и поведение хорватов в бурные 1990-е гг.

В этом исследовании я рассматриваю политическую нестабильность в глубинке Далматии в 1990-х гг., когда Югославия распалась, и из её пепла возникло независимое государство, и реакцию хорватских националистов на неё. Первые эпизоды насилия – часто ради личной или политической выгоды – обострили националистические настроения хорватов и конфликты. Усиление Республики Сербская Краина (РСК) и этнические чистки на её территории и в прилегающих районах северной и центральной Далматии определили ответ руководимого ХДС государства на этот крупный политический и военный вызов. Распад Югославии подтолкнул хорватов и сербов к крайнему национализму в поисках защиты от «чужих», поскольку локальные эпизоды этнонационального насилия охватили всю Хорватию. В этой статье показан ситуативный характер националистических акций и реакций, при которых и хорваты, и сербы радикализировались до такой степени, что уровень сосуществования, наблюдавшийся в Югославии большую часть эпохи Тито, стал невозможен.

Угрозы государству и нации, реальные и мнимые, определили реакцию хорватов на сербские мятежи в республике. Как утверждает Макс Берггольц в своей книге «Насилие, как производительная сила: идентичность, национализм и память в балканском обществе», не национализм побудил хорватов и сербов совершать массовое насилие друг против друга во время Второй мировой войны, а скорее изначальное насилие, совершённое небольшим числом людей, заставило эти группы обратиться к этническому национализму ради защиты.²

¹ John Ashbrook, *Buying and Selling the Istrian Goat. Istrian Regionalism, Croatian Nationalism, and EU Enlargement*, Regionalism and Federalism Series (Bruxelles, Belgium: Peter Lang Verlag, 2008), <https://www.peterlang.com/document/1104465>.

² Max Bergholz, *Violence as a Generative Force: Identity, Nationalism, and Memory in a Balkan Community* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016). Отсюда я позаимство-

Основываясь на работе Берггольца, в этой статье я первую очередь изучаю реакцию хорватов на проявления сербского национализма и попытки РСХ отделиться от хорватского государства. ХДС давал многим хорватам чувство защищённости от сербской угрозы в глубине страны и оправдывал ответное насилие. Именно это конкретное стечение обстоятельств подпитывало хорватское националистическое движение в Далматии в 1990-х годах.³

Этничность в Далматии до 1990-х годов

В прошлом Далматия всегда была мультикультурным регионом, особенно если смотреть на неё сквозь призму современной политики идентичности. В средневековье и раннее новое время Венецианская империя с её итальянским населением оказывала сильное влияние на прибрежные районы Далматии, а её внутренние районы были преимущественно католическими и славянскими. Демографический состав внутренних районов Далматии изменился с миграцией в регион православного южнославянского населения из Сербии и Боснии и Герцеговины, откуда их вытесняли османы на будущую военную границу империи Габсбургов, установленную в середине XVI века. Габсбурги нанимали сербов для борьбы с османским вторжением, и эта традиция воинской культуры культивировалась и позже использовалась сербскими экстремистами для оправдания своих действий в 1980-х – 1990-х гг.⁴ Больших проблем между католической и православной общинами не возникало до тех пор, пока антисербская направленность хорватского национализма Анте Старчевича не повлияла на молодых хорватских активистов

вал термин «производительная сила» по отношению к националистическому насилию. Бергголец утверждает, что объяснения на макроуровне, предполагающие, что этнонациональная борьба свойственна Балканам и неизбежна, ошибочны. Его исследование показывает, что насилие в первоначально возникло либо для сведения старых счетов, либо как попытка изменить существующие региональные структуры власти. Более того, почти все эпизоды этнического насилия оправдывались как превентивные или как защита нации. Эта ситуация напоминает события, приведшие к вспышке взаимной жестокости в северной и центральной Далматии в 1990-х годах.

³ В конце 1980-х – начале 1990-х гг. этнонациональная напряжённость, присутствовавшая после Второй мировой войны, достигла смертельного уровня в условиях кризиса, вызванного распадом югославского государства. Это привело к изгнанию хорватов из обширных внутренних районов Далматии в 1990-1992 гг., после чего последовало изгнание сербов из большей части Хорватии в 1995-1997 гг. Возможно, одна из наиболее полных работ на английском языке о войнах времён распада страны в Хорватии и Боснии и Герцеговине – Branka Magaš and Ivo Žanić, eds., *The War in Croatia and Bosnia-Herzegovina: 1991-1995* (London: Frank Cass, 2001).

⁴ Ejub Štitkovic, "Croatia: The First War," in *Burn This House: The Making and Unmaking of Yugoslavia*, ed. Jasminka Udovički and James Ridgeway (Durham, NC, and London: Duke University Press, 2000), 170-171, note 12, <https://doi.org/10.1515/9780822380197-009>.

в конце XIX века. Это разделение отразилось в хорватских и сербских политических партиях, которые соперничали за влияние в правительстве Дубровника в 1880-х – 2000-х гг. Их разделение в конечном итоге, хотя и временно, было разрешено соглашением 1905 года, в рамках которого эти группы сотрудничали, чтобы создать политический блок в парламентах регионов и всей империи Габсбургов.

Проблемы между хорватским и сербским населением снова обострились с созданием Королевства сербов, хорватов и словенцев после Первой мировой войны. В этом новом государстве сербские и хорватские партии спорили о хорватской автономии в королевстве. С одной стороны, действовала просербская Радикальная партия и её союзники, которые выступали за централизованное государство под руководством сербского короля. С другой стороны, выступала главная партия хорватов, Хорватская крестьянская партия, во главе со сторонником широкой политической и культурной автономии Степаном Радичем, который последовательно выступал против централизации и сербского доминирования в государстве. Страна едва не скатилась к хаосу, когда сербский националист Пуниша Рачич убил Радича и ещё двух депутатов во время сессии парламента 20 июня 1928 года. В ответ на это король 6 января 1929 года объявил личную диктатуру в попытке усмирить национальную напряжённость и предотвратить дальнейшее насилие, но эти усилия в конечном итоге не дали особого результата.⁵

Вторая мировая война и зверства четников и усташей против гражданского населения стали историческим «оправданием» для длительной вражды между двумя народами.⁶ В Югославии Тито заставлял хорватов и сербов сотрудничать, чтобы уменьшить озлобление и недоверие между этими группами. Из-за этого давления население сосуществовало без открытой националистической агитации большую часть времени после Второй мировой войны. Однако многие внутренние районы оставались довольно изолированными, и только в крупных поселениях наблюдалось заметное смешение населения. К 1990 году большие группы сербов проживали в северной Далматии, особенно вокруг Книна, простираясь до нескольких километров от Задара. Также немало сербов проживало в южной

⁵ Глубокое исследование хорватской и югославской политики в межвоенный период см. в Ivo Banac, *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984).

⁶ Четники – отряды сербских националистов, действовавшие в основном в Сербии и Боснии и Герцеговине, якобы как бойцы сопротивления против оккупационных немецких и итальянских войск. Усташе – хорватские фашисты, которым немцы позволили править Хорватией во время Второй мировой войны. Обе группы совершали массовые убийства и этнические чистки в бывшей Югославии, пока партизаны под руководством Тито не изгнали немцев в конце войны.

Герцеговине, в десятке километров от Дубровника и остальной части южной Далматии.⁷ Эти районы с сербским большинством преимущественно были бедны, с ограниченными возможностями, что только усугубляло напряжённость между двумя не особо смешивающимися этническими группами. Напротив, большинство прибрежных регионов имели хорватское большинство с относительно небольшим количеством проживающих там сербов и относительно процветали благодаря туризму.

Этническая напряжённость достигла апогея летом 1989 года, когда сербы в районе Книна протестовали против нападений экстремистски настроенных сторонников ХДС – ведущей политической партии Хорватии – на своих соотечественников.⁸ Радикальные сербы резко отреагировали на победу ХДС на первых свободных выборах в Югославии в 1990 году, назвав партию фашистской и проведя параллели между ней и режимом усташей, совершавшем зверства против сербского населения Хорватии и Боснии во время Второй мировой войны.⁹ Подстрекаемые склонным к централизму руководителем Сербской Республики в последние дни существования Югославии Слободаном Милошевичем, далматинские сербы в августе 1990 года возвели блокпосты на дорогах Северной Далматии, отрезав Центральную и Южную Далматию от остальной части республики и тем самым лишив её правительство контроля над регионом.¹⁰ Рост напряжённости вынуждал всё большее число хорватов и сербов поддерживать более воинственных националистических политиков, которые обещали защиту от агрессии «чужаков», в то время как голоса, призывающие к терпимости и компромиссу между двумя общинами, слабли. По сути, многие сербы Краины, опасаясь нападения Хорватии и ища защиты более многочисленной и организованной силы, поддержали создание РСК, в то время как большинство хорватов поддержали ХДС и хорватское государство, по аналогичным причинам.

⁷ См. Paul Robert Magocsi, *Historical Atlas of Central Europe: Revised and Expanded Edition (A History of East Central Europe (HCE))* (Seattle, WA: University of Washington Press, 2002), 157.

⁸ John R. Lampe, *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996), 346.

⁹ “Inside an Ancient Quarrel,” *The Economist* 319, no. 7708 (May 25, 1991): 53. К сожалению, хотя в названии этой статьи верно отмечено, как память об усташах времен Второй мировой войны «разжигала» страх сербов в Хорватии, оно также несёт сохраняющиеся заблуждения Запада об этом регионе, как очаге давних обид и мести. Однако статья признаёт, что «поведение сербов в Краине и Славонии настраивало их хорватских [sic] соседей против них». Другой пример непонимания западными журналистами истории и народов региона также взят из *The Economist*. Во второй статье утверждается, что «югославская трагедия» разворачивалась в трёх актах. Первый – после столетий написания сценария и постановки сцены – произошёл в Словении в 1991 году. Такая постановка вопроса предполагает, что кровавое разрушение государства было неизбежным и характерным для региона и его народов. “Bosnia: The Road to Ruin,” *The Economist* 327, no. 7813 (May 29, 1993): 23.

¹⁰ Štitkovic, “Croatia: The First War,” 161-162.

Референдум о независимости Хорватии в мае 1991 года усугубил ситуацию. Подавляющее большинство этнических хорватов проголосовали за независимость от Югославии, а большая часть сербского населения бойкотировала голосование. Не помогло и то, что ХДС активно препятствовал проявлениям политического несогласия, в чём некоторые сербы видели анти-сербскую политику. Например, ХДС «считал [Хорватию] унитарным и неделимым демократическим и социальным государством»,¹¹ и любые попытки — реальные или мнимые — разделить страну представляли угрозу для президента Франьо Туджмана и его партии.¹² Поэтому ХДС рассматривал любой вызов центральной власти в новом независимом государстве как угрозу.¹³ С этой целью ХДС перекроил округа Далматии в антиисторические субрегионы с хорватским большинством, чтобы «нивелировать попытки сепаратизма сербов Краины и ... регионализм».¹⁴ Это лишь ещё раз показало сербам, что хорватские националисты, под явным руководством ХДС, хотят создать государство хорватов и для хорватов, где сербы будут низведены до уровня граждан второго сорта или даже полностью вытеснены.

Угроза реальная и предполагаемая: РСК, Сербская демократическая партия и ХДС

Возможно, один из лучших примеров, демонстрирующих проявление ситуативной идентичности, имел место непосредственно перед распадом Югославии, с образованием РСК в Далматии.¹⁵ Хотя существует несколько более

¹¹ Z. Lučić, “On the Constitutional Organization of the Republic of Croatia,” in *Legal System of the Republic of Croatia*, ed. D. Brunčić, Z. Lučić, V. Ljubanović, and I. Vrkjić (Osijek: University of Osijek, 1998), 15.

¹² Как утверждает Деян Степанович, «на пост-югославском пространстве [существовала] ограниченная терпимость к субгосударственным образованиям, имеющим гражданские критерии членства. В то же время этнически легитимированные субгосударственные политические сообщества осуждались центральными государствами, которые в большинстве случаев сами использовали этнические критерии членства». Dejan Stjepanović, “Territoriality and Citizenship: Membership and Sub-State Politics in Post-Yugoslav Space,” *Europe-Asia Studies* 67, no. 7 (September 2015): 1030-1055, 1031, <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1068743>.

¹³ Степанович признаёт, что это был «явный отход от децентрализованного самоуправления югославских времён в сторону большей территориальной централизации в независимых государствах». Stjepanović, “Territoriality and Citizenship: Membership and Sub-State Politics in Post-Yugoslav Space,” 1035.

¹⁴ Stjepanović, “Territoriality and Citizenship: Membership and Sub-State Politics in Post-Yugoslav Space,” 1036.

¹⁵ Моё понимание ситуативной идентичности основано на фундаментальной работе Фредерика Барта 1969 года об идентичности, что подчёркивает Питер Уэйд. Уэйд поясняет, что Барт «отмечал, что этнические группы существуют *по отношению* [курсив его] к другим; люди устанавливают границы на основе критериев, которые кажутся им важными. ... [Такие границы] могут иметь разный характер в зависимости от того, какие различия важны для действующих лиц в данной ситуации». См. Peter Wade, “Inequality and Situational Identity: The 1970s,” in *Race and*

или менее верных историй этого более широкого процесса и его непосредственных последствий на английском языке,¹⁶ углублённое исследование РСК в формате монографии недоступно для тех, кто не читает по-хорватски или по-сербски. В этой статье мы не можем подробно изложить историю РСК, однако необходим краткий экскурс, чтобы объяснить, как проявления хорватского национализма усиливались в ответ на эту предполагаемую экзистенциальную угрозу.

Сербские волнения начались в далматинской глубинке ещё до того, как Хорватия проголосовала за независимость. Их возглавила Сербская демократическая партия (СДП), основанная в Книне 17 февраля 1990 года. В течение следующих нескольких месяцев СДП призывала хорватских сербов не признавать недавно избранное правительство ХДС и поддержать территориальное отделение сербских регионов от республики.¹⁷ Многие сербы, особенно в Книне и его окрестностях, опасаясь второсортного статуса или возможного насилия со стороны хорватского правительства, прислушались к призыву СДП. Ситуация обострилась в конце мая 1990 года, когда СДП полностью разорвала отношения с Загребом и создала Союз коммун Лики и Северной Далматии в составе шести местных округов, в которых СДП победила на выборах в апреле 1990 года, и сформировала региональный парламент – Сербский национальный совет – в Книне.¹⁸

Однако радикальные голоса в СДП заглушили голоса умеренных лидеров. Основатель и лидер СДП Йован Рашкович активно подогревал страх сербов перед хорватскими националистами, предупреждая, что если те они добьются своего, возникнет новое государство усташей, и последует резня,

Ethnicity in Latin America (Pluto Press, 2010), 61-84, 62, <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p73f.9>. Таким образом, люди могут выбирать, выделять ли им свою идентичность или этническую принадлежность, в зависимости от того, считают ли они это выгодным. Во время кризиса, особенно когда кризис видится экзистенциальным, этническая идентификация людей может усиливаться, как средство защиты от другой группы, воспринимаемой как угроза или враг.

¹⁶ О создании РСК и борьбе с ней см. Sabrina P. Ramet, Konrad Clewing, and Reneo Lukić, eds., *Croatia since Independence: War, Politics, Society, Foreign Relations* (Munich: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2008) (particularly Chapters 1-4); Magaš and Žanić, eds., *The War in Croatia and Bosnia-Herzegovina, 1991-1995*. Искажённые, но популярные истории распада, написанные журналистами, см. в Laura Silber's and Allan Little, *Yugoslavia: Death of a Nation*, revised edition (Penguin Books, 1997); и Misha Glenny, *The Fall of Yugoslavia: The Third Balkan War*, 3rd revised edition (Harmondsworth: Penguin Books, 1996). Гораздо более качественный анализ см. в Sabrina P. Ramet, *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the Fall of Milošević*, 4th edition (Routledge, 2018).

¹⁷ Siniša Tatalović, "Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict," *Politička misao* 33, no 5 (1996): 166-190, 167, n3, <https://hrcak.srce.hr/file/155702>.

¹⁸ Christopher Bennett, *Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences* (New York: New York University Press, 1995), 130.

как во Вторую мировую войну.¹⁹ Так, в ответ на призывы хорватов к независимости Рашкович заявил группе своих сторонников 2 июля 1990 года, что сербский народ имеет право стремиться к созданию собственного государства, как это делают хорваты.²⁰ На следующий день ещё более жёсткий сербский националист Милан Бабич призвал к созданию сербской общины (округа) от Книна до Бели-Манастира в Восточной Славонии, что, по его мнению, дало бы сербам такой же суверенитет, какой получат хорваты в независимой Хорватии.²¹

В конце месяца СДП провела массовый митинг в городке Срб (примерно в 50 км к северу от Книна, недалеко от границы с Боснией и Герцеговиной). На нём Рашкович провозгласил «Декларацию суверенитета и автономии сербского народа» перед сербскими представителями из Бенковаца, Книна, Оброваца, Войничча, Глины, Вргинмоста, Доньи-Лапаца, Титовой-Кореницы и Вуковара, где сербы составляли большинство. Рашкович призвал к объединению Великой Сербии, чтобы остановить, по его словам, рост «движения усташей». Отметив, что он против вооружённого восстания, он заявил, что будет защищать сербский народ от усташей с помощью силы, если это потребуется.²² Ещё больше местных хорватов тревожило то, что среди толпы численностью от 70 до 120 тысяч человек были члены различных движений четников из самой Сербии,²³ которые призывали к этнической чистке в качестве превентивной меры для защиты сербской нации.

Насилие вспыхнуло 17 августа 1990 года во время сербской демонстрации около Книна. Одновременно сербские военизированные формирования возвели баррикады, перекрывшие пути сообщения и движение между центральной Хорватией и северной Далматией.²⁴ Подконтрольная Милошевичу Югославская народная армия (ЮНА) вошла туда, якобы для «поддержания порядка», немедленно лишив хорватскую полицию доступа ко

¹⁹ Bennett, *Yugoslavia's Bloody Collapse*, 121.

²⁰ "Suverenitet bez Doziranja," *Slobodna Dalmacija*, July 3, 1990, 6.

²¹ Srđan Radulović, "'Sabor' Srpskih Općine," *Slobodna Dalmacija*, July 4, 1990, 4.

²² Davor Marić, "Rašković: Ovo je Ustanak bez Oružja," *Slobodna Dalmacija*, July 26, 1990, 7.

²³ Марич оценивает их число в 70 000, Таталович утверждает, что их было 120 000. См. Tatalović, "Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict."

²⁴ Vladimir-Đuro Degan, "The War in Croatia: Temporal Application of Conventional Rules Prohibiting International Crimes," *Politička misao* 30, no. 2 (1993): 5-18, 7, <https://hrcak.srce.hr/111546>. В ходе так называемой «Революции на брёвнах» (*Balvan Revolucija*) сербские ополченцы перерезали дороги и железнодорожные пути в остальную часть Далматии и Хорватии, тем самым лишив правительство Хорватии доступа в регион и в конечном итоге отделив Далматию от остальной Хорватии (Bennett, *Yugoslavia's Bloody Collapse*, 130-31). Эти действия также перерезали ряд возможных путей эвакуации крайне встревоженного хорватского населения.

всему региону. ЮНА также начала вооружать сербских ополченцев для «самообороны».²⁵ К тому времени в ополчение прибывали новобранцы, поскольку сторонники жёсткой линии продолжали сообщать о зверствах хорватов (иногда реальных, иногда воображаемых) и утверждали, что контролируемое ХДС правительство планирует массовые убийства сербов, если их государство провозгласит независимость от Югославии.

Поскольку Загреб не мог отреагировать, Сербский национальный совет быстро организовал референдум только для сербов 2 сентября 1990 года, призвав к сербской автономии. После успешного референдума была создана официальная милиция Сербского автономного края Краина под руководством начальника полиции Книна, жёсткого сербского националиста Милана Мартича.²⁶ Сербское ополчение немедленно атаковало туристические объекты в Далматии, чтобы оказать давление на хорватское правительство и заставить его выполнить свои требования.²⁷ В ответ хорватские националисты использовали восстание для аргументации собственной риторики, назвав эти действия «провокациями четников» и шагом к Великой Сербии.²⁸

Новая хорватская конституция, принятая в декабре 1990 года, подлила масла в огонь, лишив сербов статуса государствообразующей нации и низведя их до положения национального меньшинства. В ответ сербы стали нападать на полицейские участки в Книне, Дворе-на-Уни, Грачаце, Бенковаце, Глине и Оброваце и изгонять несербов из региона.²⁹ С декабря 1990 года по середину августа 1991 года от Хорватии отделились три сербских автономных края. 22 декабря более радикальное руководство СДП во главе с Бабичем объявило о создании Сербской автономной области (САО) Краина в Хорватии, за которой последовали САО Восточная Славония, Баранья и Западный Срем 26 февраля 1991 года и САО Западная Славония 13 августа 1991 года. Эти края позднее вошли в Республику Сербская Краина (РСК) 26 февраля 1992 года.³⁰ Когда это образование политически консолидировалось, большая часть территории Хорватии стала уязвимой для сербских ракетных обстрелов, чего опасалась значительная часть хорватского населения.³¹

В то время как раскручивалась модель действий и противодействий, сербы блокировали хорватское село Киево около Книна в августе 1991 года, вскоре после успешного референдума о независимости Хорватии 25 июня

²⁵ Degan, "The War in Croatia: Temporal Application of Conventional Rules Prohibiting International Crimes," 8.

²⁶ Degan, "The War in Croatia: Temporal Application of Conventional Rules Prohibiting International Crimes," 8.

²⁷ Bennett, *Yugoslavia's Bloody Collapse*, 131 and 136.

²⁸ "Četnička provokacije," *Slobodna Dalmacija*, August 22, 1990, 6.

²⁹ Tatalović, "Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict," 178.

³⁰ Tatalović, "Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict," 167 n3.

³¹ "Think again, Tadjman," *The Economist* 334, no. 7904 (March 4, 1995), 15.

1991 года. В ответ хорваты провели митинги, осуждающие насилие, которые становились всё больше антисербскими по риторике. Это, в свою очередь, подогривало антихорватские настроения среди сербов.³² 26 августа 1991 года сербские ополченцы при поддержке ЮНА захватили Киево, ставшее первым селом в Хорватии, подвергшимся полной этнической чистке. После его захвата серия нападений сербов прокатилась по внутренним районам Далматии. 16 сентября 1991 года пал Дрниш, затем, 19 сентября – Хрватска Костайница, а 21 сентября – Петринья, хорватское население которых было вынуждено бежать в Сплит и другие прибрежные города. ЮНА и сербские ополченцы приблизились к Задару, полностью отрезав город на некоторое время и повергнув его преимущественно хорватское население в панику. Дубровник, Госпич, Шибеник и другие далматинские города также подвергались нападению.³³ Нестабильность в регионе, распад федерации и создание Сербской Краины вызвали волну перемещённых лиц, поскольку хорваты из внутренних районов хлынули в неготовые к этому прибрежные города и сёла, которым Сербия непосредственно не угрожала.³⁴

Эта масса пострадавших хорватов, изгнанных из своих домов, привезла с собой личные свидетельства сербских зверств в места, где они поселились. Из-за захвата сербами земель в Далматии и близлежащей Боснии и Герцеговине многие далматинские хорваты сплотились вокруг политической партии, которая контролировала правительство и армию недавно получившей независимость Хорватии. Для многих хорватов ХДС был единственной организацией, способной защитить их от сербских ополченцев и вернуть им утраченное имущество и средства к существованию. Их региональный опыт сформировал их понимание того, что значит быть хорватом, особенно в свете сербского неповиновения, распада Югославии и экзистенциальной угрозы, исходящей от сербов, черногорцев и ЮНА. Эти действия также привели многих хорватов к выводу, что сербы и хорваты больше не могут мирно сосуществовать в одном государстве.³⁵

Хотя в декабре 1991 года, всего через несколько недель после взятия Вуковара сербскими войсками, было достигнуто соглашение о прекращении

³² Bennett, *Yugoslavia's Bloody Collapse*, 152.

³³ Tatalović, "Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict," 180.

³⁴ По оценке западного источника, до 300 000 хорватов бежали с территории, где впоследствии возникла РСХ. "Deadly Gamble: Croatia," *The Economist* 334, no. 7898 (January 21, 1995), 56.

³⁵ "Croatia's Blitzkrieg: Croatia's President Franjo Tudjman Has Shattered the Dream of a Greater Serbia," *The Economist* 336, no. 7927 (August 12, 1995), 41. Автор утверждает, что к концу лета 1995 года многие хорваты, некогда выступавшие за сосуществование с сербами, теперь поддержали их выселение из-за войны и попытки создать сербскую территорию, независимую от Хорватии. Мои исследования для предстоящей статьи о далматинской идентичности ведут к тому же выводу.

огня, мелкие стычки на местах продолжались.³⁶ Несмотря на достигнутое при международном посредничестве прекращение огня, президент Хорватии Франьо Туджман заявил, что Хорватия намерена вернуть «каждый квадратный сантиметр» своей территории,³⁷ и выполнил это обещание, к радости далматинских хорватов. К огорчению международного сообщества,³⁸ Хорватия изгнала сербов из Водице вблизи Шибеника, захватив семь сёл на равнине Мильевац 21 июня 1992 года. Резолюция Совета безопасности ООН 762 осудила эти действия и потребовала вывода войск Хорватии, но Загреб отказался. Эта демонстрация силы лишь усилила легитимность ХДС и хорватских националистов, поскольку партия дала отпор РСК и выдержала давление международного сообщества, которое многие хорваты считали антихорватским.

22 января 1993 года началась операция «Масленица», закончившаяся частичной победой хорватов 26 января.³⁹ Однако сербы не были полностью вытеснены из этой области и, таким образом, все ещё могли угрожать Масленице, Масленичко Ждрило (жизненно важный пролив, связывающий Далматию и Хорватию), Шибенику, Биограду и Задару. Эти успехи продемонстрировали далматинским хорватам, что их беды не вечны; сербов можно победить, а территорию – вернуть навсегда. Совет безопасности ООН и Силы ООН по охране (UNPROFOR) снова осудили эти действия,⁴⁰ но

³⁶ К тому времени сербы контролировали примерно пятую часть территории Хорватии. “Push for Peace: Yugoslavia,” *The Economist* 320, no. 7723 (September 7, 1991): 48. Более того, в начале зимы 1991 года Югославия блокировала портовые города Далматии и обстреливала Сплит, что ещё больше усугубляло отчаянное положение хорватов, пытавшихся покинуть прибрежные города. “Into the Dark,” *The Economist* 320, no. 7725 (September 21, 1991), 57.

³⁷ “Turning-point in Yugoslavia,” *The Economist* 322, no. 7741 (January 11, 1992), 43.

³⁸ Даже на раннем этапе большинство хорватского населения, особенно в Далматии, не собиралось допускать отделения Краины, а война лишь ужесточила их позицию по отношению к сербам в целом. “The next Yugoslav War: Serbia and Croatia,” *The Economist* 328, no. 7820 (July 17, 1993), 48-49. Туджман дал понять, что он и его правительство ни при каких обстоятельствах не пойдут на компромисс по вопросу Краины. Он был полон решимости вернуть её полностью, независимо от мнения западного сообщества. Ещё осенью 1993 года руководство Краины также отказалось позволить какой-либо части РСК вернуться под хорватский суверенитет. “Up Fjord, no Paddle yet: ex-Yugoslavia,” *The Economist* 329, no. 7835 (October 30, 1995), 61.

³⁹ Согласно *The Economist*, это событие «потрясло» мир, поскольку хорватские войска «пересекли линии прекращения огня ООН и оттеснили сербов» в этой части Краины. Однако этот шаг был широко поддержан в Хорватии, прежде всего потому, что он был успешен и вновь показал, что правительство Хорватии не согласно с посредническими усилиями международного сообщества по урегулированию путём переговоров с сербским руководством Краины. “How Many Little Wars Make a Big One?” *The Economist* 326, no. 7796 (January 30, 1993), 45.

⁴⁰ Tatalović, “Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict,” 182. UNPROFOR были первыми миротворческими силами, развёрнутыми в Хорватии и Боснии для разделения воюющих сторон.

хорватская армия отказалась уступить свои завоевания. 27- 28 января 1993 года Загреб начал операцию «Перуча», вернув себе плотину Перуча и ещё раз продемонстрировав системную слабость сил Краины. 9 сентября 1993 года началась операция «Медучки джеп» около Госпича, приведшая к жертвам среди сербского гражданского населения, снова осуждённая Советом безопасности ООН и UNPROFOR как военное преступление.⁴¹ Это международное осуждение усилило опасения сербского населения, что хорватские военные планируют ликвидацию сербов на спорной территории.⁴²

Требование правительства Хорватии о выводе из страны миротворцев ООН, которые должны были разделять воюющие стороны, в январе 1995 года ещё больше усилило беспокойство сербов.⁴³ Паника началась после успеха операции хорватских войск «Молния» в анклаве РСК в Западной Славонии в мае 1995 года, что привело к немедленному выезду из региона 12 000 сербов.⁴⁴ Как мы со Спенсом Бакичем уже отмечали в другом месте, такие страхи способствовали массовому исходу сербского населения из внутренних районов Далматии после ошеломляющего успеха операции «Буря» три месяца спустя.⁴⁵

4 августа 1995 года хорваты начали свое последнее наступление на РСК – операцию «Буря». Президент Туджман выступил по радио и телевидению перед самым наступлением, призвав сербов оставаться дома и не сопротивляться, пообещав большинству из них амнистию, но большинство сербов не поверили его заверениям. Всего за один день боевых действий операция «Буря» достигла 80 % своих целей. Книн пал на второй день операции, а к четвертому дню около 120 000 сербов через специально оставленные коридоры бежали в Боснию и Герцеговину.⁴⁶ Управление Верховного комиссара

⁴¹ Tatalović, “Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict,” 183.

⁴² Несмотря на этот страх, часть сербов Краины отказывалась подчиниться Загребу и исключала возможность когда-либо снова жить с хорватами или в Хорватии. Чиновники Краины тоже продолжали настаивать на объединении контролируемого ими региона с Республикой Сербской – сербской территорией Боснии и Герцеговины. “Laager louts,” *The Economist* 332, no. 7878 (August 27, 1994), 45.

⁴³ “Deadly Gamble: Croatia,” 56.

⁴⁴ “Soldiering on: ex-Yugoslavia,” *The Economist* 335, no. 7914 (May 13, 1995), 54.

⁴⁵ John Ashbrook and Spencer D. Bakich, “Storming to Partition: Croatia, the United States, and Krajina in the Yugoslav War,” *Small Wars and Insurgencies* 21, no. 4 (2010): 537-560, <https://doi.org/10.1080/09592318.2010.518852>.

⁴⁶ Хорватские военные намеренно оставили открытыми пути отступления для гражданских сербов во время операции «Буря», опираясь на урок, полученный ранее в том же году в ходе операции «Молния». То, что хорватские военные не перекрыли отход в Боснию в мае, позволило значительной части сербского населения Западной Славонии в РСК бежать. Это «решило» этническую проблему для хорватов, и они применили этот опыт при планировании операции «Буря», зная, что сербы опасаются возмездия со стороны хорватских военных в недавно захваченных районах и при возможности будут бежать. См. Ashbrook and Bakich, “Storming to Partition.”

ООН по делам беженцев подсчитало, что более 150 000 сербов бежали от хорватских военных менее чем за неделю.⁴⁷

Во время и после боёв хорватские военные периодически совершали грабежи, поджоги и убийства,⁴⁸ вызвав осуждение международного сообщества и представив хорватов как дикарей и варваров. Однако операция «Буря» достигла результата, который националистически настроенные хорваты сочли благоприятным: она навсегда сократила сербское население Хорватии с чуть более 12 % от его численности в 1991 году⁴⁹ до примерно 4,5 % к 2001 году.⁵⁰

Короткая история РСК дала хорватским националистам необходимое им оправдание репрессий против сербского населения. Для них сербы представляли экзистенциальную угрозу хорватской нации и государству,⁵¹ они были «чужаками» и «мятежниками», которые не колеблясь прибегали к насилию и этническим чисткам для продвижения «Великой Сербии». Эта предполагаемая угроза не только внутренним, но и прибрежным районам Далматии подтолкнула хорватов к поддержке ХДС, который, по мнению многих из них, был единственным защитником их страны и народа.

Выводы для международного сообщества

Как показывает это исследование, ситуативные проявления идентичности в связи с предполагаемой агрессией «чужаков» являются одной из основных проблем в современной истории Балкан. В данном случае, в ответ на региональную нестабильность хорватские националисты стремились к единству, подчеркивая веру в общий дух, или связь всех хорватов – национальную душу, если хотите – одновременно делая упор на более осязаемых общих чертах, таких, как общий язык, история и религия, в данном случае –

⁴⁷ “The Flight of the Krajina Serbs,” *The Economist* 336, no. 7927 (August 12, 1995), 42. В той же статье предполагается, что в контролируемой сербами северной Далматии и Лики когда-то проживало 400 000 человек. Около половины из них были хорватами и подверглись этнической чистке в 1991 – начале 1992 года. По некоторым оценкам, их число составляет около 200 000. См. “Ethnic Cleansing: Blood and Earth,” *The Economist* 336, no. 7933 (September 23, 1995), 16.

⁴⁸ Tatalović, “Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict,” 186-187.

⁴⁹ Yugoslavian census 1991.

⁵⁰ “Croatian Census 2001.” Идея обмена населением или выселения меньшинства не была новой для хорватов. Так, бывший посол Хорватии в ООН Марио Нубило «размышлял над идеей раздела Боснии между Хорватией и Сербией» и «говорил, что, по его мнению, «обмен населением» мог бы сработать для решения проблем региона». “Nations on the Move,” *The Economist* 336, no. 7928 (August 19, 1995), 42. Журналист *The Economist* также предполагал, что перемещение населения может помочь ослабить напряжённость и косвенно решить этнический пазл на Балканах. “Ethnic Cleansing: Blood and earth,” 16.

⁵¹ О необходимости различать эти два термина см. Walker Connor, *Ethnonationalism: The Quest for Understanding* (Princeton University Press, 1994).

католицизм. География тоже играла важную роль для хорватских националистов, которые отождествляли хорватскую нацию с Далматией как центром *хорватской* территории. Как в литературе, так и в разговорах со мной Далматия представляется исторически, культурно и этнически целиком *национальным* пространством, причем националисты иногда заявляют, что здесь нет места для других мнений или других национальностей.⁵²

Необходимо также понимать, что недавняя история сформировала, или укрепила, солидарность хорватов, независимо от места их проживания. Далматия пережила всплеск насилия и нестабильности в первой половине 1990-х годов. Для хорватских националистов предполагаемая угроза со стороны сербов и потеря государством большей части северных и восточных внутренних районов в пользу РСК были катастрофой. Поэтому акцент на хорватском характере Далматии стал проявлением их опыта и их страха перед большими или постоянными потерями. Опасности войны и близость РСК к большинству прибрежных городов Далматии вынудили многих жителей региона искать защиты у Загреба и правящей националистической партии. Они были склонны видеть угрозу в иных представлениях об идентичности,⁵³ включая те из них, которые отстаивали региональную, гибридную и многокультурную далматинскую идентичность.⁵⁴

Весьма спорно, были ли столь сильные и непоколебимые представления о хорватской национальной идентичности распространены в Далматии после Второй мировой войны. Из моих бесед и исследований в этом районе в 1990-х и начале 2000-х годов ясно, что хотя напряжённость существовала и до распада Югославской федерации, сербское и хорватское население могли сосуществовать. Некоторые собеседники даже считали, что отношения между местными жителями были не такими уж плохи, пока несколько

⁵² Goran Vezic, "A Croatian Reichstag Trial: The Case of Dalmatian Action," *Uncaptive Minds* 7, no. 3 (Fall/Winter 1994): 17-24, 20. Например, один из моих собеседников весной 2001 года, назвавший себя хорватским националистом, зашёл настолько далеко, что назвал все остальные нации «гостями или пришельцами. Сербь не могут быть далматинцами, как я не могу быть македонцем. Они пришли как захватчики и остаются захватчиками».

⁵³ Alex J. Bellamy, *The Formation of a Croatian National Identity: A Centuries-old Dream?* (Manchester, UK: Manchester University Press, December 2003), 128, <https://doi.org/10.7228/manchester/9780719065026.001.0001>.

⁵⁴ Keith Brown, "Villains and Symbolic Pollution in the Narratives of Nations: The Case of Boris Sarafov," in *Balkan Identities: Nation and Memory*, ed. Maria N. Todorova (New York University Press, 2004), 233-252. Подробнее о гибридной идентичности в Адриатическом регионе см. Pamela Ballinger, *History in Exile: Memory and Identity at the Borders of the Balkans* (Princeton University Press, 2002). Правительство того времени, контролируемое ХДС, фактически называло регионалистов и тех, кто проявлял терпимость к другим этнонациональным группам, «антигосударственными элементами» за то, что они не придерживались националистической линии в вопросах идентичности или политики правительства. См. "To Fill the Void: An Interview with Stojan Obradović and Goran Vezic," *Uncaptive Minds* 7, no. 3 (Fall/Winter 1994): 37-43, 39-40.

подстрекателей со стороны не посеяли страх перед «чужаками», после чего вспыхнуло массовое насилие.⁵⁵

Как показывает пример Далматии, именно страх насилия, а затем и само насилие, изначально поощряемое и совершаемое небольшими группами националистов в регионе, спровоцировали более широкий цикл жестокости и ответной жестокости. Хотя нельзя отрицать, что национальная напряжённость между сербской и хорватской общинами после Второй мировой войны так и не исчезла полностью, они терпели друг друга большую часть правления Тито. Но когда политические авантюристы, наподобие Бабича и Мартича, использовали национализм для продвижения своей карьеры, делая акцент на кровавой истории хорватов и сербов, страх и нестабильность легко заглушили призывы к миру и продолжению сотрудничества.⁵⁶ Только в этом случае нестабильность, вызванная стечением факторов – неопределённость после смерти Тито в 1980 году,⁵⁷ падение коммунизма в Восточной Европе в 1989-1991 годах и распад югославского государства в 1990-1991 годах – позволила национальной напряжённости толкнуть значительную часть населения региона в объятия склонных к авантюризму националистов, манипулировавших ситуативным самосознанием для достижения своих целей. Местные и региональные политики воспользовались этой нестабильностью для «превентивных действий», чтобы обеспечить «безопасность» своих национальных округов. В конечном счёте это привело к изгнанию навсегда большей части сербского населения из Хорватии в середине-конце 1990-х годов.

Международные организации, работающие в Восточной Европе и на Балканах, в том числе планирующие политику, должны лучше знать историю региона, чтобы эффективно выполнять свои задачи, а не считать, что периодические вспышки насилия на национальной основе определяют «сущность» людей в этом регионе. К сожалению, сохраняющиеся заблуж-

⁵⁵ Это напоминает события, описанные в книге Бергхольца, где подробно показано скатывание к этническому насилию в Кулен-Вакуфе и его окрестностях в Боснии в тревожные времена Второй мировой войны. В то время местное недовольство и внешние факторы подогрели страхи других групп, что приводило к вспышкам насилия и этнических чисток. Некоторые беседы с участниками выборки анекдотично подтверждают его аргумент о том, что именно нестабильность и насилие ускорили новое восприятие этнической принадлежности и национализма, что вызвало этническое насилие в 1990-х гг.

⁵⁶ Некоторые югославы видели в событиях в распадающемся государстве результат стремления политических лидеров воодушевить и мобилизовать своих избирателей. «Push for Peace: Yugoslavia», 48. Сам руководитель Сербии Слободан Милошевич выступил 6 июля 1991 года и призвал хорватских сербов «быть готовыми защищать себя» от хорватских националистов и сепаратистов. См. «Coming Apart, Coming Together,” *The Economist* 320, no. 7715 (July 13, 1991), 51.

⁵⁷ Некоторые югославы признавали, что без «Старика» у руля страна, скорее всего, развалится в гражданской войне. См. «Bosnia: The Road to Ruin,” *The Economist* 327, no. 7813 (May 29, 1993), 23.

дения о регионе и его жителях продолжают влиять на представления западных управленцев и политиков.⁵⁸ Многие из этих представлений перекликаются с настроениями Роберта Каплана в его популярной книге «Балканские призраки», в которой он сетует на то, что славяне, особенно на Балканах, были примитивным народом, полным «этнических обид»,⁵⁹ тем самым объясняя прошлые зверства на Балканах как некую черту, присущую местным жителям.⁶⁰

Такие заблуждения отчасти являются результатом сенсационной журналистики, которая в конце XIX – начале XX веков⁶¹ писала о Балканах только во время волнений и войн. Среди западной аудитории такие репортажи укрепляли представление о том, что насилие является «нормой» для региона и его жителей. Таким образом, Балканы представлялись «опасной, нестабильной зоной военных действий»,⁶² и эти представления продолжают влиять на подход международных организаций к региону.

В условиях хронической этнонациональной враждебности в Косово, не говоря уже о войне в Украине, иностранным политикам и членам международных организаций крайне важно понимать, что сохраняющиеся аспекты этнонационализма и сепаратизма в обозримом будущем будут и далее преследовать Восточную Европу и Балканы, как и многие другие регионы мира. Однако эти проблемы свойственны не только Восточной Европе и Балканам. Вместо того, чтобы принимать решения на основе поверхностных наблюдений, крайне важно избегать примордиалистской точки зрения, представляя регион вечным очагом насилия и этнонациональных конфликтов. Как и любой регион мира, он формируется событиями, влияющими на местное самосознание, особенно когда кажется, что какой-то идентичности

⁵⁸ Западные журналисты в своих репортажах слишком часто демонстрируют высокомерие по отношению к народу и руководителям региона. Возьмём, например, предвзятые комментарии журналистов *The Economists* в августе 1995 года, где репортёр называет Туджмана заслуживающим место в «довольно малолюдном пантеоне хорватской истории» [курсив наш]. См. “Croatia’s Blitzkrieg: Croatia’s President Franjo Tudjman Has Shattered the Dream of a Greater Serbia,” 41.

⁵⁹ Robert D. Kaplan, *Balkan Ghosts: A Journey Through History* (New York: St. Martin’s Press, 1993), xxiii.

⁶⁰ Стереотипы о жителях Восточной Европы и Балкан ученые также развенчивают в книгах Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Redwood City, CA: Stanford University Press, November 1994); Larry Wolff, *Venice and the Slavs: The Discovery of Dalmatia in the Age of Enlightenment* (Redwood City, CA: Stanford University Press, April 2002); Maria Todorova, *Imagining the Balkans*, updated edition (Oxford University Press, 2009).

⁶¹ Подробней о примерах того, как западные журналисты и британский средний класс смотрели на сельских жителей Балкан, см. Samuel Foster, *Yugoslavia in the British Imagination: Peace, War and Peasants before Tito* (London: Bloomsbury Academic, 2023).

⁶² Katherine E. Fleming, “Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography,” *The American Historical Review* 105, no. 4 (October 2000): 1218-1233, 1226, <https://doi.org/10.1086/ahr/105.4.1218>.

или группе угрожает якобы инородное присутствие. Аналогичные ситуации и угрозы в других регионах тоже могут подпитывать рост этнонационализма, вызывая цепную реакцию, которая приводит к этническим чисткам.

Необходимо более глубокое понимание Балкан международными экспертами, которые рассматривают периоды сотрудничества и компромисса как долгосрочную норму и используют эти знания для противодействия радикализации самосознания задолго до того, как авантюристы представят историю своего народа как историю жестокости и ответной жестокости.⁶³

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности ПРМ, организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 22, 2023, вышел при поддержке правительства США.

Об авторе

Д-р **Джон Эшбрук** получил степень доктора по новейшей истории Восточной Европы и Балкан в Университете Флориды в 2002 году. Доцент и бывший заведующий кафедрой истории в Университете Среднего Запада в Вичита-Фоллс, штат Техас. Автор книги и множества статей о самосознании и политике в государствах бывшей Югославии. Его научные и преподавательские интересы охватывают Восточную Европу и Балканы в XX и XXI веках, европейскую военную историю, Османскую империю и её наследие, а также Европейский Союз и евроскептицизм.

Электронная почта: john.ashbrook@msutexas.edu

<https://orcid.org/0009-0002-8974-2272>

⁶³ Я хотел бы поблагодарить аспирантку исторического факультета Университета Среднего Запада Изабеллу Блэк за её бесценные предложения для уточнения моей аргументации и ясности изложения мыслей в этой статье.

Библиографија

- "Bosnia: The Road to Ruin," *The Economist* 327, no. 7813 (May 29, 1993): 23.
- "Četnička provokacije," *Slobodna Dalmacija*, August 22, 1990, 6.
- "Coming Apart, Coming Together," *The Economist* 320, no. 7715 (July 13, 1991): 51.
- "Croatia's Blitzkrieg: Croatia's President Franjo Tudjman Has Shattered the Dream of a Greater Serbia," *The Economist* 336, no. 7927 (August 12, 1995): 41.
- "Deadly Gamble: Croatia," *The Economist* 334, no. 7898 (January 21, 1995): 56.
- "Ethnic Cleansing: Blood and Earth," *The Economist* 336, no. 7933 (September 23, 1995): 16.
- "How Many Little Wars Make a Big One?" *The Economist* 326, no. 7796 (January 30, 1993): 45.
- "Inside an Ancient Quarrel," *The Economist* 319, no. 7708 (May 25, 1991): 53.
- "Into the Dark," *The Economist* 320, no. 7725 (September 21, 1991): 57.
- "Laager louts," *The Economist* 332, no. 7878 (August 27, 1994): 45.
- "Nations on the Move," *The Economist* 336, no. 7928 (August 19, 1995): 42.
- "Push for Peace: Yugoslavia," *The Economist* 320, no. 7723 (September 7, 1991): 48.
- "Soldiering on: ex-Yugoslavia," *The Economist* 335, no. 7914 (May 13, 1995): 54.
- "Suverenitet bez Doziranja," *Slobodna Dalmacija*, July 3, 1990, 6.
- "The Flight of the Krajina Serbs," *The Economist* 336, no. 7927 (August 12, 1995): 42.
- "The next Yugoslav War: Serbia and Croatia," *The Economist* 328, no. 7820 (July 17, 1993): 48-49.
- "Think again, Tudjman," *The Economist* 334, no. 7904 (March 4, 1995): 15.
- "To Fill the Void: An Interview with Stojan Obradović and Goran Vezić," *Uncaptive Minds* 7, no. 3 (Fall/Winter 1994): 37-43.
- "Turning-point in Yugoslavia," *The Economist* 322, no. 7741 (January 11, 1992): 43.
- "Up Fjord, no Paddle yet: ex-Yugoslavia," *The Economist* 329, no. 7835 (October 30, 1995): 61.
- Ashbrook, John, and Spencer D. Bakich, "Storming to Partition: Croatia, the United States, and Krajina in the Yugoslav War," *Small Wars and Insurgencies* 21, no. 4 (2010): 537-560, <https://doi.org/10.1080/09592318.2010.518852>.
- Ashbrook, John, *Buying and Selling the Istrian Goat. Istrian Regionalism, Croatian Nationalism, and EU Enlargement* (Bruxelles, Belgium: Peter Lang Verlag, 2008), <https://www.peterlang.com/document/1104465>.

- Ballinger, Pamela, *History in Exile: Memory and Identity at the Borders of the Balkans* (Princeton University Press, 2002).
- Banac, Ivo, *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1984).
- Bellamy, Alex J., *The Formation of a Croatian National Identity: A Centuries-old Dream?* (Manchester, UK: Manchester University Press, December 2003), 128, <https://doi.org/10.7228/manchester/9780719065026.001.0001>.
- Bennett, Christopher, *Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences* (New York: New York University Press, 1995).
- Bergholz, Max, *Violence as a Generative Force: Identity, Nationalism, and Memory in a Balkan Community* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016).
- Brown, Keith, "Villains and Symbolic Pollution in the Narratives of Nations: The Case of Boris Sarafov," in *Balkan Identities: Nation and Memory*, ed. Maria N. Todorova (New York University Press, 2004), 233-252.
- Connor, Walker, *Ethnonationalism: The Quest for Understanding* (Princeton University Press, 1994).
- Degan, Vladimir-Đuro, "The War in Croatia: Temporal Application of Conventional Rules Prohibiting International Crimes," *Politička misao* 30, no. 2 (1993): 5-18, <https://hrcak.srce.hr/111546>.
- Fleming, Katherine E., "Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography," *The American Historical Review* 105, no. 4 (October 2000): 1218-1233, <https://doi.org/10.1086/ahr/105.4.1218>.
- Foster, Samuel, *Yugoslavia in the British Imagination: Peace, War and Peasants before Tito* (London: Bloomsbury Academic, 2023).
- Glenny, Misha, *The Fall of Yugoslavia: The Third Balkan War*, 3rd revised edition (Harmondsworth: Penguin Books, 1996).
- Kaplan, Robert D., *Balkan Ghosts: A Journey Through History* (New York: St. Martin's Press, 1993).
- Lampe, John R., *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996).
- Lučić, Z., "On the Constitutional Organization of the Republic of Croatia," in *Legal System of the Republic of Croatia*, ed. D. Brunčić, Z. Lučić, V. Ljubanović, and I. Vrkjić (Osijek: University of Osijek, 1998), 15.
- Magaš, Branka, and Ivo Žanić, eds., *The War in Croatia and Bosnia-Herzegovina: 1991-1995* (London: Frank Cass, 2001).

- Magocsi, Paul Robert, *Historical Atlas of Central Europe: Revised and Expanded Edition (A History of East Central Europe (HECE))* (Seattle, WA: University of Washington Press, 2002).
- Marić, Davor, "Rašković: Ovo je Ustanak bez Oružja," *Slobodna Dalmacija*, July 26, 1990, 7.
- Radulović, Srđan, "'Sabor' Srpskih Općine," *Slobodna Dalmacija*, July 4, 1990, 4.
- Ramet, Sabrina P., *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the Fall of Milošević*, 4th edition (Routledge, 2018).
- Ramet, Sabrina P., Konrad Clewing, and Reneo Lukić, eds., *Croatia since Independence: War, Politics, Society, Foreign Relations* (Munich: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2008).
- Silber, Laura, and Allan Little, *Yugoslavia: Death of a Nation*, revised edition (Penguin Books, 1997).
- Štirkovac, Ejub, "Croatia: The First War," in *Burn This House: The Making and Unmaking of Yugoslavia*, ed. Jasminka Udovički and James Ridgeway (Durham, NC: Duke University Press, 2000), 154-174, <https://doi.org/10.1515/9780822380917-009>.
- Stjepanović, Dejan, "Territoriality and Citizenship: Membership and Sub-State Politics in Post-Yugoslav Space," *Europe-Asia Studies* 67, no. 7 (September 2015): 1030-1055, <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1068743>.
- Tatalović, Siniša, "Military and Political Aspects of the Croato-Serbian Conflict," *Politička misao* 33, no 5 (1996): 166-190, <https://hrcak.srce.hr/file/155702>.
- Todorova, Maria, *Imagining the Balkans*, updated edition (Oxford University Press, 2009).
- Vezić, Goran, "A Croatian Reichstag Trial: The Case of Dalmatian Action," *Uncaptive Minds* 7, no. 3 (Fall/Winter 1994): 17-24.
- Wade, Peter, "Inequality and Situational Identity: The 1970s," in *Race and Ethnicity in Latin America* (Pluto Press, 2010), 61-84, <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p73f.9>.
- Wolff, Larry, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Redwood City, CA: Stanford University Press, November 1994).
- Wolff, Larry, *Venice and the Slavs: The Discovery of Dalmatia in the Age of Enlightenment* (Redwood City, CA: Stanford University Press, April 2002).